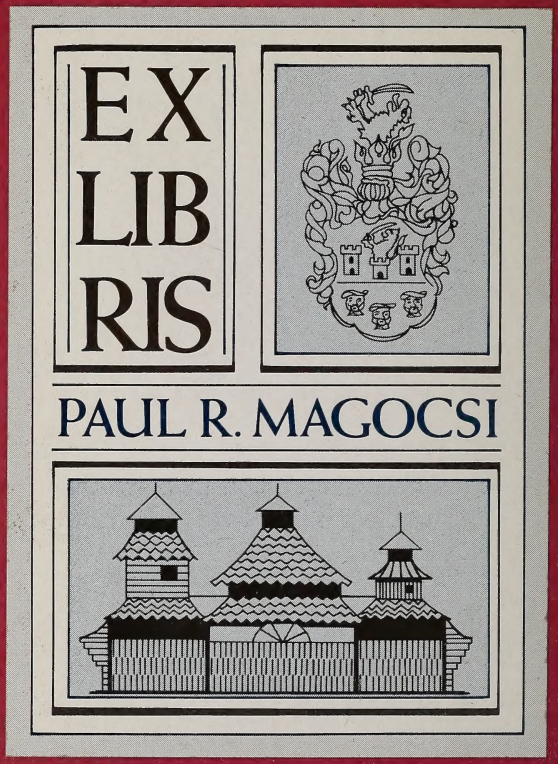
Г. ВЕРНАДСКІЙ

Угорская Русь и ея возрожденіе въ срединѣ XIX вѣка


EX
LIB
RIS
PAUL R. MAGOCSI

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

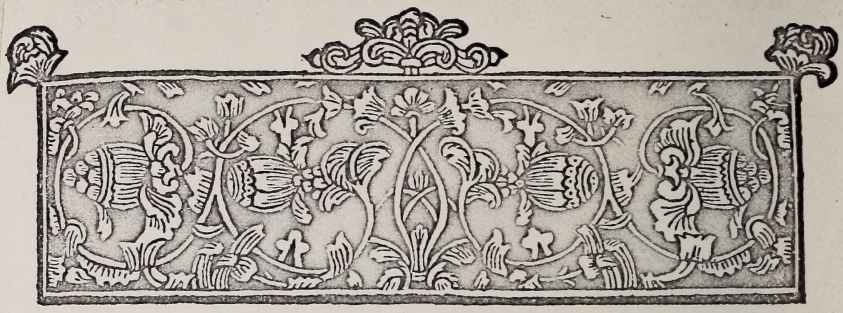
ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Годъ изданія III)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 3. Мартъ. 1915.



Угорская Русь и ея возрожденіе въ срединѣ XIX вѣка.

I.

Несмотря на длинный рядъ изслѣдованій, посвященныхъ угро-русской народности, остается еще много неяснаго и загадочнаго во всемъ ея этническомъ обликѣ[1]).

Не рѣшенъ также вопросъ о древности русскихъ поселеній въ Угорщинѣ. Нѣкоторыя данныя указываютъ на весьма раннее появленіе, почти исконность русской народности на южномъ склонѣ Карпатъ. Эти данныя подтверждаются, кажется, и той общей картиной первоначальнаго славянскаго разселенія и пер-

---

[1]) Литературу по Угорской Руси см. въ статьяхъ *Е. Ю. Перфецкаго* Обзоръ угрорусской исторіографіи, Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. XIX кн. I, Спб. 1914 и *В. А. Францева*, Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1901, также у *М. С. Грушевскаго*, Кіевская Русь, т. I, Спб. 1911, стр. 473—476. Основное сочиненіе по этнографіи Угорской Руси *Ст. Томашівський* Етнографична карта Угорської Руси (съ приложеніемъ самой карты) въ III выпускѣ «Статей по Славяновѣдѣнію» изд. II отд. Имп. Ак. Наукъ, Спб. 1910. *Вол. Гнатюкъ*, Русини Пряшівської епархії въ Запискахъ Наук. Тов. ім. Шевченка, т. 35, Львівъ 1900: *Его же* Етнографични матеріяли з Угорської Руси (Етнографичний Збірникъ вид. Наук. Тов. ім. Шевч., Львів, т. III, 1897, т. IV, 1898, т. IX, 1900). *Василь Лукичь*. Угорьска Русь, єи розвôй и теперешній станъ, Львів, 1887. *Herm. Jgn. Bidermann*. Die ungarischen Ruthenen, B. I, Innsbr. 1862, B. II, Innsbr. 1867—обстоятельное, но въ отношеніи вопроса, «ob die Ruthenen Russen sind?» явно тенденціозное (въ стилѣ теоріи Духинскаго) изслѣдованіе. *И. П. Филевичъ*. Исторія древней Руси, т. I территорія и населеніе. Варшава 1896. *Его же*. Угорская Русь, Варш. Унив. Изв. 1894, V. *Г. А. Деволанъ*. Мадьяры и національная борьба въ Венгріи, съ прил. этн. карты Венгріи, Спб. 1877. *Г. А. Деволанъ*. Угорская Русь. М. 1878. *Вл. Терлецкій*. Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи. Кіевъ. 1874. *Л. Василевскій (Плохоцкій)*, Венгерскіе «руснаки» и ихъ судьба. Русск. Бог. 1914 № 3.

выхъ движеній славянорусскаго племени, которую мы можемъ себѣ нарисовать въ настоящее время[1]).

Вопросъ этотъ, впрочемъ, не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ темѣ настоящей статьи. Какъ бы то ни было, русскія поселенія въ Карпатахъ и за Карпатами существуютъ—съ точки зрѣнія новой исторіи—очень долгое время[2]).

За протекшіе вѣка русской народности не удалось создать въ Карпатахъ особаго государства и цѣльной національной культуры. Находясь на границѣ славянскаго, нѣмецкаго, венгерскаго и румынскаго міровъ, расположенная между Венгріей и Польшей, испытывая вліянія и «священной римской имперіи нѣмецкой націи» и имперіи турецкаго султана, раздираемая религіозной борьбой католицизма и православія, позже—уніатства,—угро-русская народность до послѣднихъ десятилѣтій сумѣла, однако, отстоять свое существованіе.

Нужно ясно представить себѣ все смѣшеніе различныхъ культурныхъ элементовъ въ Угорщинѣ, весь водоворотъ вѣръ, языковъ, государственныхъ стремленій, обычаевъ, нравовъ, которые волею судебъ сбалтывались вмѣстѣ на небольшомъ пространствѣ, чтобъ не остановиться въ недоумѣніи передъ результатами этого поразительнаго этнически-культурнаго опыта.

Не только не произошло полнаго сліянія всѣхъ отдѣльныхъ элементовъ, брошенныхъ въ общій котелъ, но наоборотъ, послѣ многихъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ продолжался опытъ, эти элементы могутъ быть опять отдѣлены другъ отъ друга почти въ чистомъ ихъ видѣ.

Оговариваюсь, что рѣчь идетъ о низшихъ классахъ угорско-русскаго населенія. Соціальные верхи, не будучи въ состояніи образовать своей прочной національно-государственной культуры, быстро омадьяривались. Произошло то же, что и въ нынѣшней юго-западной Россіи за время ея принадлежности къ Польскому государству. Русская культура сдѣлалась «хлопской».

---

[1]) «Вопросъ о времени восточно-славянскаго разселенія въ Карпатахъ» у *М. С. Грушевскаго*, указ. соч., стр. 267—269. *М. Грушевський*, Історія України Руси, т. III, Львів, 1900, стр. 97 сл. Эта же точка зрѣнія высказывалась прежде И. П. Филевичемъ. Возраженіе Филевичу далъ *А. И. Соболевскій* въ статьѣ «Какъ давно русскіе живутъ въ Карпатахъ и за Карпатами?», Живая старина, 1894, кн. 1—4, отд. III, стр. 524. *А. И. Соболевскій* находитъ, что всѣ собранныя данныя «не позволяютъ намъ отодвигать первыя поселенія русскихъ въ Карпатахъ и за Карпатами въ древность далѣе XII вѣка». Мнѣніе это раздѣляетъ и *С. Томашівський* (указ. вып. «Статей по Славяновѣдѣнію», стр. 186).

[2]) Въ настоящее время эти поселенія занимаютъ около 230 кв. миль въ сѣверо-восточныхъ комитатахъ Венгріи. Число угроруссовъ превышаетъ полъ-милліона.

«Паны» быстро отъ нея отходили. Потомки знатныхъ русскихъ фамилій дѣлались мадьярскими вельможами[1]).

Образовавшаяся національная трещина между верхами и низами общества увеличивала гнетъ первыхъ надъ вторыми, усиливала проявленія крѣпостного права и церковной борьбы католицизма съ уніатствомъ. Жалкое экономическое положеніе угро-русскихъ крестьянъ осталось наслѣдіемъ этой мадьяризаціи верховъ общества. Въ 1849 г. русскаго офицера Лихутина поражаетъ убожество жизни «русняцкихъ» крестьянъ въ Карпатахъ[2]).

Письменность и просвѣщеніе Угорской Руси, находившіяся почти исключительно въ рукахъ духовенства, не могли до XIX в. способствовать образованію національности, такъ какъ само духовенство, даже уніатское, не говоря о православномъ, находилось въ подчиненномъ положеніи у представителей католической церкви. Въ Мукачевской консисторіи средины XVIII вѣка предсѣдательствовалъ католическій священникъ. Тѣмъ не менѣе въ 1744 г. основана была въ Мукачевѣ (Munkacs), а позже перенесена въ Ужгородъ (Ungvar) русская богословская школа, учителя которой создавали литературный языкъ, представлявшій смѣсь церковно-славянскаго языка и мѣстныхъ говоровъ.

Однако, во второй половинѣ XVIII вѣка русскій языкъ въ школѣ и среди духовенства начинаетъ уступать мѣсто латинскому. Въ началѣ же XIX вѣка вмѣстѣ съ усиленіемъ національныхъ стремленій мадьяръ происходитъ быстрая мадьяризація угро-русскаго духовенства.

Мадьяризація дворянства, совершившаяся раньше, и мадьяризація духовенства, которая совершается въ XIX вѣкѣ,—два эти процесса, казалось бы, означаютъ безповоротно смерть національной угро-русской культуры къ срединѣ вѣка. На самомъ дѣлѣ, именно на это время приходится попытка ея возрожденія.

---

[1]) Таковы Любомирскіе, Петровы, Липтаевы, Березинскіе, Пастелій, Надажди, Весселеній, Оросъ-де-Баласфальва, князь Тарноцій, Телегди Комлоши, Илловай, Орманди. *Г. А. Деволанъ*. Угорская Русь. М. 1878. стр. 15.

[2]) *М. Д. Лихутинъ*. Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 г., М. 1875, стр. 39 и 273. Современное весьма печальное положеніе дѣла обрисовано венгерскимъ чиновникомъ Эганомъ, однимъ изъ немногихъ среди венгерцевъ искреннихъ друзей угро-русскаго народа. (Эганъ умеръ при не вполнѣ выясненныхъ обстоятельствахъ въ Ужгородѣ въ 1901 г., послѣ того какъ вызвалъ противъ себя жестокую травлю съ стороны крупныхъ землевладѣльцевъ Угорской Руси). *Е. Еган*. Економичне положенне руських селян в Угорщині. Львів, 1901.

II.

Революція 1848 г., относительно простая и ясная во Франціи, въ высшей степени сложна и запутана для Австріи[1]). Вопросы соціальный, политическій и національный переплетались въ этомъ государствѣ въ неразрѣшимый узелъ противорѣчій.

Упрощенная схема австрійской революціи 1848 г. говоритъ намъ, что правительство Австрія вступаетъ въ союзъ съ славянами противъ венгровъ, которые, въ свою очередь, связаны съ революціонными нѣмецкими кругами. Въ дѣйствительности, однако, запутанность отношеній шла еще дальше, потому что и между славянами не было единодушія; достаточно вспомнить Стадіона и польско-украинскія отношенія этого времени. Все же, можно исходить изъ этой схемы, чтобы выяснить настроеніе и возможные пути Угорской Руси.

Венгрія, вошедшая въ тѣсную связь съ революціонной Вѣной, была предметомъ восторженнаго отношенія для либеральной части европейскаго общества. Имя вождей венгерской революціи дѣлалось популярнымъ въ Англіи, а съ другой стороны, въ консервативной Россіи, пославшей въ 1849 г. Паскевича усмирять мадьяръ, боялись вреднаго вліянія венгерскихъ мятежниковъ на русскихъ офицеровъ. «Прошу настоятельно, чтобы не было со всей этой с... никакихъ у насъ близкихъ сношеній, ибо легко отъ этого сближенія и наша молодежь заразиться можетъ»,—писалъ императоръ Николай I Паскевичу 7 августа 1849 года[2]). А что «зараза», хотя и невиннаго свойства, дѣйствительно имѣла мѣсто, въ этомъ убѣждаютъ насъ записки русскихъ офицеровъ, участниковъ похода 1849 года. Лихутинъ разсказываетъ о совмѣстныхъ пирушкахъ побѣдителей-русскихъ и побѣжденныхъ-мадьяръ послѣ Вилагоша[3]). Другой участникъ похода передаетъ, что на этихъ пирушкахъ русскими офицерами провозглашались тосты «за венгерскій народъ» и «на погибель Австріи»[4]).

Несмотря на всѣ эти проявленія симпатіи къ либеральнымъ,

---

[1]) Литературу по исторіи революціи 1848 года даетъ *Н. И. Карѣевъ*, Исторія Зап. Европы въ новое время т. V, изд. 3, Спб. 1908. Новѣйшее сочиненіе для Австріи *H. Friedjung*, Oesterreich von 1848 bis 1860. Erster Band. Dritte Auflage. Stuttg. & Berlin, 1908. См. также *Scotus Viator*, Racial problems in Hungary. London, 1908.

[2]) *Кн. Щербатовъ* Ген.-фельдм. кн. Паскевичъ, т. VI, Спб. 1899 стр. 331.

[3]) Ук. соч. стр. 246, 247. См. также *N. Boretzky-Bergfeld*. La Russie et la révolution hongroise de 1848—49 въ Revue de Hongrie, 1912, № 3, 15 марта.

[4]) *П. В. Алабинъ*. Русскіе въ Венгріи въ 1849 году. Изъ походныхъ замѣтокъ. Русск. Стар. 1882, іюль, стр. 104.

угнетаемымъ Австріей мадьярамъ, нужно признать, что въ венгерскомъ возстаніи были черты, въ значительной степени искажавшія тотъ обликъ революціонно-демократическаго мученичества, который вставалъ передъ многими дѣятелями «молодой Европы», когда имъ представлялась Венгрія 1848 года.

Во-первыхъ, венгерская революція была дѣломъ преимущественно соціальныхъ верховъ мадьярскаго общества[1]). Правда, Кошутъ провелъ на сеймѣ полную отмѣну крѣпостного права въ предѣлахъ Венгріи. Но эта мѣра, необходимая новому государству для того, чтобъ предотвратить внутреннія столкновенія, не доказываетъ еще послѣдовательнаго демократизма венгерской политики этого времени.

Во-вторыхъ, венгерская революція, неся національную свободу мадьярскому народу, вовсе не означала національнаго самоопредѣленія для не-мадьярскихъ народовъ Венгріи. Наоборотъ, именно усиленіе національно-мадьярской энергіи, выразившееся въ революціи, грозило полнымъ приниженіемъ венгерскихъ «инородцевъ»—румынъ, славянъ (угро-руссовъ, словаковъ, сербо-хорватовъ) и нѣмцевъ (саксонцевъ въ Трансильваніи). «Инородцы» могли существовать въ Венгріи и не омадьяриваться, пока сами мадьяры не сознавали себя отдѣльной національной стихіей. Разъ явилось такое сознаніе, и разъ при этомъ мадьярская народность, не заполняя всей венгерской территоріи, желала вмѣстѣ съ тѣмъ говорить отъ имени Венгріи,—неизбѣжными дѣлались стремленія къ мадьяризаціи инородцевъ. Эти стремленія въ свою очередь разбудили національныя чувства народностей, обрекавшихся на мадьяризацію.

Отсюда и произошла хорватская контръ-революція, во время которой выдвинулся Елачичъ. Ища себѣ союзниковъ противъ Венгріи, славяне не могли обратиться къ представителямъ революціонной Германіи, потому что эта революціонная Германія связала уже себя прочными узами съ венгерскимъ возстаніемъ. Оставалось консервативное австрійское правительство.

По этой дорогѣ пошли хорваты; ею же воспользовались позднѣе поляки въ Галиціи. Итти именно въ этомъ направленіи было такимъ образомъ вполнѣ естественно. Нѣтъ ничего удивительнаго, что мысль о такой дорогѣ вдохновила руководителей угро-русскаго національнаго движенія.

На помощь этой мысли пришелъ самъ австрійскій импера-

---

[1]) Любопытно, что русскіе солдаты не раздѣляли симпатій офицерства къ венграмъ. «Русскіе солдаты не выказывали никакой дружбы къ венгерскимъ солдатамъ». *Лихутинъ*, стр. 247.

торъ Францъ-Іосифъ, обратившійся въ 1849 г. за спасеніемъ къ Николаю Павловичу[1]).

О психологіи Николая I въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости распространяться. Идея легитизма, проходившая сквозь всю его внѣшнюю политику, и боязнь заразительнаго вліянія венгерской революціи на русскую Польшу—достаточно выясняютъ причины, побудившія его двинуть въ Венгрію армію Паскевича[2]).

Но въ глазахъ угро-русскихъ дѣятелей появленіе солдатъ Паскевича для защиты Австріи должно было сдѣлаться новымъ и вполнѣ очевиднымъ доказательствомъ возможности союза между русскимъ движеніемъ въ Карпатахъ и вѣнскимъ правительствомъ.

Мы видимъ, дѣйствительно, угро-русскихъ посредниковъ между австрійской властью и арміей Паскевича. Одинъ изъ вождей угро-русскаго возрожденія, Адольфъ Ив. Добрянскій, состоялъ главнымъ интендантомъ австрійскаго правительства при русскихъ войскахъ.

Опасность положенія—возможность полнаго единодушія между угорскими славянами и единоплеменной имъ русской арміей хорошо понимали въ Венгріи. Недаромъ Гёргей такъ старательно избѣгалъ сраженія съ русскими въ области Карпатъ, боясь народнаго движенія карпатскихъ славянъ противъ мадьяръ въ случаѣ малѣйшей венгерской неудачи[3]).

Несомнѣнно, однако, что того органическаго сліянія между арміей Паскевича и угорско-русскимъ населеніемъ, котораго такъ опасался Гёргей, въ дѣйствительности не произошло. Выше было уже сказано о симпатіяхъ русскихъ офицеровъ къ венграмъ. Симпатія эта являлась лишь оборотной стороной врожденной ненависти къ Австріи, дѣло которой принуждены были защищать офицеры арміи Паскевича.

Узелъ, однако, былъ запутанъ еще больше. Нелюбовь къ Австріи вызывалась отчасти недовольствомъ русскихъ офице-

---

[1]) Австрійская власть, впрочемъ, готова была и непосредственно поддерживать русское движеніе въ Венгріи, поскольку надѣялась использовать это движеніе въ своихъ цѣляхъ. Нѣсколько позже, характернымъ образчикомъ такого «полицейскаго руссофильства» Австріи явился циркуляръ съ примѣтами нѣсколькихъ вождей венгерской революціи, написанный на русскомъ языкѣ, напечатанный кириллицей и разсылавшійся Вѣнскимъ правительствомъ по Угорской Руси,—очевидно для поимки бѣжавшихъ послѣ подавленія революціи дѣятелей ея. (*І. Франко.* Кошут і Кошутська війна, Жите і Слово, 1894, III).

[2]) Условіемъ посылки русскихъ войскъ въ Венгрію была поставлена немедленная очистка Галиціи отъ всѣхъ польскихъ эмигрантовъ и мятежниковъ. *Щербатовъ* указ. соч., т. VI, стр. 70.

[3]) *Лихутинъ.* Ук. соч., стр. 255.

ровъ стѣснительными распоряженіями представителей австрійскаго правительства. Войдя въ чужую страну, съ смѣшаннымъ населеніемъ, съ цѣлью не войны, а карательной экспедиціи противъ части населенія, нужно было соображать, кого щадить и кого наказывать: разобраться въ этой путаницѣ не могъ и не хотѣлъ офицеръ арміи Паскевича. Приказы русскихъ генераловъ, направленные къ щепетильной охранѣ имущества жителей страны, по которой проходили войска Паскевича, преслѣдуя Гёргея, вызывали недоумѣніе и непониманіе [1]).

А вмѣстѣ съ тѣмъ, убытки, причиненные мѣстнымъ жителямъ проходомъ русскихъ войскъ, «падали одинаково какъ на славянъ, такъ и на мадьяровъ» [2]).

Между войсками Паскевича и угро-русской народностью происходило очевидное недоразумѣніе.

«Русняки встрѣтили насъ съ довѣрчивостью»,—записываетъ Лихутинъ [3]). Небольшіе отряды угро-руссовъ присоединились даже къ войскамъ Паскевича [4]).

Между тѣмъ русскіе офицеры и солдаты были мало расположены къ отвѣтному довѣрію уже потому, что мало знали о «руснякахъ». «У насъ въ арміи—говоритъ тотъ же Лихутинъ [5])—имѣли очень неясныя понятія о славянахъ въ Венгріи и объ отношеніяхъ ихъ къ мадьярамъ». Самое существованіе угро-руссовъ было неожиданностью для многихъ участниковъ похода Паскевича — неожиданностью, съ которой они не всегда были склонны считаться.

Русскій солдатъ арміи Паскевича зналъ, что онъ пришелъ «нѣмцевъ за уши изъ грязи вытаскивать» [6]). Но при чемъ тутъ славяне, да еще «русняки», во владѣніяхъ Венгровъ, каково ихъ отношеніе къ нѣмцамъ, венграмъ и русскимъ—понять все это было нелегко для великорусскаго солдата, волею Николая I двинутаго за Карпаты въ защиту державныхъ правъ Франца Іосифа.

Отсюда ясно затруднительное положеніе Добрянскаго, интендантскаго чиновника нелюбимой русскими, хотя и спасаемой ими, Австріи, который долженъ былъ для охраны своего народа предъявлять къ войскамъ Паскевича требованія, русскимъ казавшіяся лишь докучливыми австрійскими придирками.

---

[1]) Р. Ст. 1882, іюль, стр. 109.
[2]) *Лихутинъ*. Указ. соч., стр. 58.
[3]) Тамъ же, стр. 57.
[4]) «Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности», кн. III, М. 1871, стр. 54.
[5]) Тамъ же, стр. 58.
[6]) Р. Ст. 1882, іюль, стр. 103.

Походъ Паскевича былъ, однако, непродолжителенъ. Начавшись въ маѣ, онъ окончился уже къ сентябрю.

Если между русскими и «русняками» не могло установиться за это время настоящаго пониманія, то не могло накопиться и серьезной горечи. Когда дѣятельность русской арміи въ Карпатахъ сдѣлалась прошлымъ, мелкія досады забылись и осталось воспоминаніе мощной родственной силы, готовой откуда-то прійти на помощь въ нужную минуту.

«Какъ ни какъ,—пишетъ М. П. Драгомановъ,—а единственнымъ историческимъ событіемъ, которое поразило угорскихъ русинъ и показало имъ силу русской народности, была россійская военная оккупація 1849 г., сломившая мадьярскаго пана, до этого времени страшнѣйшую силу для угорскаго русина»[1]).

Впечатлѣніе русскаго вмѣшательства ярко отразилось въ народныхъ пѣсняхъ Угорской Руси. Привожу отрывки одной изъ такихъ пѣсенъ:

Ішов, ішов та пан кісар з міста Кромерижу,
Бо він маје на серденьку велику огризу.
Та не тміј (не потому) огризу маје, шо нема шо јісти,
Але тміј угризу маје, шо не мат де сісти.

Въ своемъ затруднительномъ положеніи Цесарь

пише до Москальа: «Ставај на ратунок» (спасай)...
«Ти Москальу, славниј цару, стань ми до помочи[4]»

Царь отвѣчаетъ такъ:

А ја тобі стати стану тај і піти піду
Нима міні Венгра бити, то лиш до обіду.
Та јак зішльу на долину кінноту, піхоту,
То від рана до обіда зроблу з них болото [2]).

Другая пѣсня изображаетъ революціоннаго вождя Венгріи и его безсиліе передъ «москалемъ».

Сидитъ Кошутъ сидитъ
На высокой драбинѣ,
Пише листы, пише
По Угорской Краинѣ.

---

[1]) *М. Драгоманов.* Австро-руські спомини (Литературно-наукова библіотека, книжка 15). Львів 1892, стр. 436.

[2]) Житє і Слово, 1894, III, стр. 470—471. см. *Л. Василевскій* ук. соч. стр. 369. *М. Драгоманов,* Нові українські пісні про громадські справі, Женева, 1881, стр. 63. Угрорусскія народныя пѣсни изданы были *Бодянскимъ* въ Чт. О. И. Др. 1866. Позднѣйшія изданія: *Дешко.* Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси, Зап. Р. Геогр. Общ. по отд. этн. Спб. т. I 1867, т. II, 1869. *Я. Ѳ. Головацкій.* Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси. 3 части (третья въ двухъ отдѣленіяхъ). М. 1878. *Г. А. Деволанъ.* Угрорусскія народныя пѣсни. Зап. Р. Г. Общ. по отд. этн., т. XIII. Спб. 1885. *М. Врабель.* Угро-русски народни спѣванки. Будапештъ 1901.

* * *

Ци на жалость, на жалость
Ци на вельки зармутокъ;
Шкода, Боже, шкода
Сесь Кошутовъ вербунокъ!

* * *

Кошуте, Кошуте!
На што насъ вербуешь?
Мало машь пѣнязи,
Чѣмъ насъ выгодуешь?

* * *

Шкода, Боже, шкода,
И Кошута самого,
Што вôнъ утêкъ, што утêкъ
Изъ орсагу своего! [1])

Уваженіемъ, которое смѣшано съ ужасомъ мирнаго человѣка передъ дѣяніями войны, дышитъ гуцульская пѣснь.

Венгер Руса не боєвсе
Не мавъ тои дôймы
Бо ôнъ не чювъ шё йде Москаль
Вороными кôньми.
Того войска не богато,
Лишь три мûліоны [2]).
А єкъ ввôйшли въ Венгершûну,
Стали на загоны.
А лишь тôлько Московского
Венгеръ вôйска збачивъ,
Якъ загуливъ въ загороду,
Окропомъ опаривъ.
Та бо Москаль поправивсе
Заложивъ каноны,
Отъ такъ убивъ Венгершûну,
Господи борони!
Отъ такъ убивъ того Венгра,
Шё лишь ставъ, єкъ курка,
Вхопивъ собѣ толпу войска
Та й утêкъ пôдъ турка [3]).

III.

Пораженіе венгерской революціи казалось первое время побѣдой угро-русскаго національнаго движенія. Въ октябрѣ 1849 г. Францъ-Іосифъ сочувственно принялъ въ Вѣнѣ депутацію отъ Угорской Руси. Депутація состояла изъ А. И. Добрянскаго, брата его Виктора и четырехъ другихъ угро-русскихъ дѣятелей.

---

[1]) Orszag по-мадьярски государство. Любопытно, что эта пѣсня (помѣщенная въ «Народныхъ пѣсняхъ Галицкой и Угорской Руси», собранныхъ *Я. Ѳ. Головацкимъ*, ч. III отд. I М. 1878, стр. 132) отчасти сходна съ другой, говорящей уже не о Кошутѣ, а о цесарѣ (тамъ же, стр. 112. *М. Драгоманов*. Нові українські пісні, стр. 61).

[2]) Русскихъ войскъ, принимавшихъ то или иное участіе въ венгерской кампаніи было въ дѣйствительности около двухсотъ тысячъ чел.

[3]) *Головацкій* Нар. пѣсни Гал. и Уг. Руси, т. II, М. 1878, стр. 461.

Представленная ими записка заключала въ себѣ слѣдующія требованія:

1) Округленіе венгерскихъ комитатовъ по народностямъ и расширеніе правъ отдѣльныхъ комитатовъ. Это была бы въ сущности автономія Угорской Руси.

2) Введеніе русскаго языка въ народныя школы.

3) Учрежденіе русскихъ гимназій, русскаго юридическаго лицея въ Ужгородѣ и русскаго университета во Львовѣ.

4) Введеніе такого порядка замѣщенія должностей, чтобы въ русскихъ округахъ предоставлялись должности только лицамъ, знающимъ русскій языкъ.

5) Изданіе русской офиціальной газеты на государственный счетъ.

6) Устройство русскихъ полковъ съ русскими офицерами и священниками[1]).

Вдохновителемъ національной программы, изложенной въ этой запискѣ былъ А. И. Добрянскій[2]).

Идея Добрянскаго заключалась въ томъ, чтобъ установить близкую связь между угро-русской народностью и вѣнскимъ дворомъ, ввести Угорскую Русь въ работу австрійскаго правительственнаго механизма и этимъ путемъ разорвать съ Венгріей.

Мысли Добрянскаго встрѣтили сочувствіе при вѣнскомъ дворѣ, искавшемъ себѣ дальнѣйшей опоры противъ мадьяръ. Депутація, въ составъ которой входилъ Добрянскій, получила обѣщаніе послѣдовательнаго проведенія въ жизнь принциповъ записки. Добрянскій ожидалъ быстраго подъема мѣстныхъ силъ въ томъ случаѣ, если эти силы будутъ защищены отъ натиска мадьярской народности австрійскими чиновниками, которые являлись бы одновременно и русинскими патріотами. Программу Добрянскаго и поданной имъ записки австрійское правительство начало осуществлять именно съ этого, болѣе для себя удобнаго конца. До другого конца программы оно никогда не дошло.

Добрянскій назначенъ былъ «наджупаномъ»[3]) четырехъ угро-русскихъ комитатовъ. Положеніе его сдѣлалось очень вліятель-

---

[1]) *Bidermann,* назв. соч., ч. II, стр. 118 и 119. *Матисовъ,* Угорская Русь, «Бесѣда» 1871 кн. VI и VII. Назв. сочиненія *Г. А. Деволана, В. Лукича, Вл. Терлецкаго.* Для исторіи и оцѣнки всего движенія см. еще *Остап Терлецький,* Галицко-руське письменство 1848—1865 р.р. Львів, 1903. *Мих. Тершаковець.* Матеріяли и замітки до історії національнаго відрождення Галицької Руси в 1830 та 1840 рр. (Українсько-руській Архив. видае істор.-фільос. секція науков. тов. ім. Шевч., т. III, Львів, 1907). *М. Драгомановъ.* Австро-руські спомини и *его же* по вопросу о малорусской литературѣ. Вѣна. 1876.

[2]) Матеріалы для біографіи Добрянскаго см. въ статьѣ *Ѳ. Ѳ. Аристова,* Русск. Арх. 1913, № 3 и 4—5.

[3]) Намѣстникомъ.

нымъ. Подъ его начальствомъ были и другіе чиновники того же направленія. На улицахъ Ужгорода появились русскія надписи. Русскій языкъ сдѣлался на время почти офиціальнымъ языкомъ власти въ сѣверо-восточныхъ комитатахъ Венгріи. Пряшевскій[1]) Епископъ Гаганецъ имѣлъ, казалось, достаточныя основанія, чтобъ говорить о наступленіи времени, «когда Угорско-русскій народъ можетъ свободно развиваться подъ сѣнью австрійскихъ законовъ»[2]).

Около Добрянскаго и священника Александра Духновича образовался цѣлый кружокъ лицъ, стремившихся создать полноправную угро-русскую письменность.

Изъ сочетанія русскаго литературнаго языка и примѣсей къ нему—церковно-славянскихъ, мѣстныхъ русинскихъ, а иногда словацкихъ и мадьярскихъ оборотовъ и выраженій—получалось «язычіе»,—тѣ наивно-нескладныя литературныя формы, которыя выходили изъ подъ пера Духновича и его друзей[3]).

Духновичъ, работая въ разнообразныхъ отрасляхъ литературы и публицистики, сочиняя буквари, народныя драмы, стихи собирая народныя пѣсни[4]), былъ первымъ угро-русскимъ писателемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Одно его патріотическое стихотвореніе получило особенную извѣстность въ Угорской Руси [5]).—

Я русинъ былъ, есмь и буду;
Я родился русиномъ;
Честный родъ мой не забуду
Останусь его сыномъ.
Я свѣтъ узрѣлъ подъ Бескидомъ [6])
Воздухъ русскій я сосалъ;
Я кормился русскимъ хлѣбомъ
Русинъ мене колысалъ.....

Другой угро-русскій литературный дѣятель, молодой священникъ Мукачевской епархіи, Раковскій, добился разрѣшенія издавать въ Будапештѣ «Церковную газету», выходившую еже-

---

[1]) Пряшевъ—Eperies.

[2]) *Г. Деволанъ* Уг. Русь, стр. 29.

[3]) О Духновичѣ см. статью *Н. А. Попова* «Бесѣды въ обществѣ любителей Россійской Словесности», кн. III, М. 1871. Перечень сочиненій Духновича и литературу о немъ см. въ статьѣ *Ѳ. Ѳ. Аристова* «А. В. Духновичъ», Русск. Арх. 1913, № 2. Духновичу принадлежитъ, между прочимъ, «Исторія Пряшевской епархіи». Спб. 1877. Сочиненіе это было написано по-латыни и переведено на русскій языкъ прот. *К. Кустодіевымъ*. Ср. также «истинную исторію карпато-руссовъ» А. В. Духновича, Русск. Арх. 1914, № 4 и 5.

[4]) Эти пѣсни изданы Бодянскимъ.

[5]) Привожу отрывки стихотворенія, какъ характерный образчикъ угорско-русской письменности этого направленія. Гимнъ полностью приведенъ у Н. Попова и Матисова.

[6]) Карпаты.

недѣльно съ 1854 по 1856 годъ и вначалѣ печатавшуюся на счетъ католическаго общества святого Стефана, повидимому, благодаря недоразумѣнію: представители мадьярскаго духовенства и власти не знали, что газета издается тѣмъ же шрифтомъ и на томъ же языкѣ, какъ выходятъ произведенія печати въ Россіи. Когда выяснилось происшествіе съ «московскимъ языкомъ», Раковскому пришлось вести дѣло уже на свои средства, хотя годовое жалованье его составляло всего около 500 р. Еженедѣльно передъ выходомъ номера отправлялся онъ изъ Будапешта пѣшкомъ за 12 верстъ въ деревню Иромъ, гдѣ жилъ при надгробной церкви вел. кн. Александры Павловны священникъ Войтковскій, который исправлялъ русскій слогъ Раковскаго отъ латинизмовъ и мадьяризмовъ.

Литературная дѣятельность послѣдователей Добрянскаго и Духновича наткнулась, однако, на значительныя препятствія— внутреннія и внѣшнія. Въ мучительной борьбѣ съ собственнымъ перомъ создавали угро-русскіе писатели свою поэзію и прозу. Вмѣстѣ съ тѣмъ право творить на русскомъ (такомъ, какъ они могли и умѣли), языкѣ они защищали отъ украинско-народнаго направленія, усилившагося послѣ національнаго возрожденія Галиціи.

Внѣшнія обстоятельства поставили рѣшительный предѣлъ— одинаково русскому и украинскому національному движенію въ Угорской Руси. Уже въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка австрійское правительство начинаетъ стѣснять дѣятельность Добрянскаго и Духновича.

Свое сближеніе съ угро-русскими комитатами Вѣна спѣшитъ использовать въ цѣляхъ проникновенія нѣмецкаго элемента въ Венгрію. Добрянскаго, руссофильство котораго становится подозрительнымъ, когда наступаетъ охлажденіе между Вѣнскимъ и Петербургскимъ дворами, переводятъ подъ благовиднымъ предлогомъ изъ Угорщины въ Вѣну. Въ Угорскую Русь присылаются нѣмецкіе чиновники, вводится въ обращеніе нѣмецкій языкъ.

Германизація Угорской Руси не была, впрочемъ, продолжительна. Уже съ начала шестидесятыхъ годовъ вынужденное на уступки мадьярамъ Вѣнское правительство начинаетъ имъ предоставлять и Угорскую Русь. Мадьярское хозяйничанье въ этой странѣ сказывается особенно ярко при выборахъ въ сеймъ, которые проходятъ въ это время въ русскихъ округахъ съ значительными насиліями[1]).

---

[1]) О нихъ см. замѣтку *Нила Попова* «Избіеніе русскихъ въ конституціонной Венгріи», Вѣстникъ Зап. Россіи, 1865—1866, кн. 6.

Въ 1867 г., когда окончательно возникла дуалистическая Австро-Венгрія, Угорская Русь оказалась въ полномъ распоряженіи мадьяръ. Началась послѣдовательная и неуклонная мадьяризація всей жизни, безпощадное искорененіе всего, что напоминало собственное національное бытіе Угорской Руси. Національный гнетъ, соединяясь съ соціальнымъ и экономическимъ, все больше останавливалъ развитіе угро-русскаго крестьянскаго народа[1]).

Для Угорской Руси наступилъ «полный застой въ національной области, паденіе всякой вообще культурной жизни»[2]).

Страна, населенная лишеннымъ земли «хліборобним пролетаріатом»[3]) при своихъ громадныхъ естественныхъ богатствахъ не можетъ прокормить заселяющаго ее народа. Угорскіе русины, первые изъ всего русскаго населенія Австріи, начали эмигрировать въ Америку. «Заокеанская Украйна», образовавшаяся въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ, обязана больше всего Угорской Руси своему быстрому росту. Еганъ считаетъ, что скоро можно будетъ предсказать день, когда послѣдній Русинъ покинетъ страну[4]).

Такъ постепенно замираетъ пламя національнаго возрожденія Угорской Руси, ярко вспыхнувшее въ 1849 году. Драгомановъ когда-то далъ «Аннибалову клятву»—сдѣлать хоть что-нибудь для Угорской Руси и развитія ея народа[5]). Послѣ смерти Драгоманова его «присяга» была совершенно забыта.

Кто знаетъ,—можетъ быть, теперь о ней вспомнятъ. Обстоятельства неожиданно сблизили 1849 и 1914 годъ, и ставить точку на развитіи угро-русской народности еще рано.

Г. Вернадскій.

---

[1]) Для современнаго состоянія Угорской Руси см. указ. соч. *Егана*, а также *Д. Д.* Угорська Русь. (Наші справі, № 19, Видавництво Вік, Київ, 1914).

[2]) *М. Грушевскій*. Исторія украинскаго народа, въ сборникѣ «Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ», т. I. Спб., 1914, стр. 335.

[3]) *Еганъ*, назв. соч., стр. 15.

[4]) Назв. соч., стр. 18.

[5]) «Ганнибалова присяга». См. Австро-руські спомини, стр. 430.